

весь экспортный продукт — пропелы, балансы и особенно осинные кряжи, которые почти не выносятся сплава, какъ изъ за большого % урона, такъ и потому, что сплавной материалъ уже не имѣетъ той цѣнности, какъ „горный“.

Въ настоящее время сплавъ по р. Ивинѣ не великъ, всего около 10 тыс. куб. сажени дровъ, преимущественно хвойнаго сухоходства и около 50 тыс. бревенъ. Но дрова идутъ въ сравнительно небольшомъ количествѣ главнымъ образомъ, потому, что лиственные породы терпятъ большой уронъ при продолжительномъ сплаве. Система рѣки Ивины захватываетъ громадную площадь почти исключительно казенныхъ лѣсовъ и къ мѣсту пересѣченія ея желѣзной дорогою, могло бы быть сплавлено много лѣса.

Далѣе можно разсчитывать, что съ осуществленіемъ дороги усилятся заготовка дровъ изъ дачи горнаго вѣдомства по р. Шуѣ, впадающей въ 9 верстахъ отъ Петрозаводска въ оз. Логозеро, соединяющееся протокомъ съ заливомъ, на берегу котораго расположенъ городъ. Нынѣ, за отсутствіемъ сбыта, дрова почти не идутъ по Шуѣ и сплавляется только строевой лѣсъ, но разъ откроется возможность сбыта дровъ, онѣ пойдутъ по Шуѣ, которая пересѣкаетъ всю горнозаводскую дачу и беретъ начало въ лѣсахъ Финляндіи. Количество дровъ, которое можетъ дать Шуя, исчисляется лѣснымъ управленіемъ горнозаводской дачи по меньшей мѣрѣ въ 1½ мил. пудовъ.

(Продолж. будетъ).

Изъ записокъ статистика.

Плосконивское общество Выт. вол.

I.

Все плосконивское общество состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень, разбросанныхъ въ лѣсахъ по лѣвую сторону Архангельскаго тракта, если направленіе считать отъ города Вытогъ. Эти деревушки находятся другъ

отъ друга на разстояніи 1½—2, а много 3-хъ верстъ, за пригорками, вѣтрами, ручьями, и состоитъ каждая изъ 5—6—10 жителей; только одна изъ нихъ. Плоскія — нивы, по имени которой и названо общество, имѣетъ около 43 жителей. Эта деревня расположена на скатѣ довольно возвышеннаго мѣста, составляющаго какъ бы плоскогоріе, и окружена довольно обширными полями. Постройки въ ней по большей части хорошия, просторныя, почти новыя, и свидѣтельствуютъ объ относительной зажиточности и домовитости нѣкоторыхъ изъ обитателей этого уголка. Дома расположены въ линію рядами по обѣ стороны выѣздной дороги, которая при выходѣ къ полю круто поворачиваетъ въ сторону, отчего и расположеніе деревни въ этомъ мѣстѣ измѣняется какъ бы угломъ. При въѣздѣ въ эту деревню меня поразило то обстоятельство, что окружена она со всѣхъ сторонъ дороги сухимъ песчанымъ полемъ, а на улицѣ — грязь непролазная, представляющая изъ себя какое-то жидкое мѣсиво, въ которомъ тонуть колеса до трубицы, а лошади съ трудомъ вытаскиваютъ ноги.

На мой вопросъ — отчего такая грязь въ деревнѣ и почему не обсушатъ улицы — одинъ мужичекъ прехладнокровно отвѣчалъ:

— А Богъ ее знаетъ — грязь эту! Зачѣмъ ее сушить? высохнетъ и сама, когда будетъ сухая погода. А намъ она не мѣшаетъ!

Десяткаго деревни дома не оказалось, такъ какъ было довольно рано и на поляхъ дневныя работы еще не окончилась. По этой причинѣ мнѣ пришлось остановиться у одного мужичка, случайно бывшаго въ это время дома. Онъ оказался очень услужливымъ и разговорчивымъ собесѣдникомъ.

— Вотъ я пошлю свою дочь сказать всѣмъ въ деревнѣ, чтобы собрались сюда, когда вернутся съ работъ, а мы тѣмъ временемъ попьемъ чайку и побесѣдуемъ! любезно сказать онъ, когда я вошелъ въ избу. Я поблагодарилъ его и извинился, что отвлекъ его отъ занятій, но онъ замѣтилъ мнѣ:

Время теперь уже идетъ къ вечеру, такъ что если бы я былъ и въ полѣ, то немного поработать бы и для меня, быть можетъ,

полезнѣе — побесѣдовать съ вами. Вѣдь не часто къ намъ въ глушь заглядываютъ свѣжіе люди, — такъ что радъ всегда завѣзему человѣку“.

Я сразу понялъ, что имѣю дѣло съ бывалымъ человѣкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ самоваръ былъ водворенъ на столъ, на которомъ появилась и скромная трапеза: мягкій, душистый, свѣженепеченный хлѣбъ изъ новой ржи, свѣжія соленыя волнухи и крѣнды. Я былъ голоденъ, а потому съ удовольствіемъ принялся за эту скромную трапезу, предложенную со всемъ радушіемъ чпстосердечнаго русскаго гостепрѣимства.

— Но какими же дѣлами вы сюда пожаловали? обратился ко мнѣ гостепрѣимный хозяинъ, когда первый голодъ былъ утоленъ мною. Я объяснилъ ему цѣль моего посѣщенія и сказалъ, — кто я.

— А для чего же это нужно начальству знать, — гдѣ сколько грамотныхъ и неграмотныхъ?

Я объяснилъ ему, что это предварительныя работы земства по введенію всеобщаго обученія.

— Теперь понимаю, оживленно заговорилъ онъ, — значить, въ скоромъ времени будутъ всѣхъ учить. Вотъ это — хорошо, а то много темноты въ нашемъ братѣ — мужикѣ. И живемъ-то мы, — только небо коптимъ! Знаемъ только кривую соху — матушку — ковырять кое-какъ землю.

— Отъ сохи крестьянину нельзя отказываться, иначе ему плохо будетъ: однимъ постороннимъ заработкомъ не прокормить семью и бѣдности еще больше будетъ! возразилъ я собесѣднику.

— Да я не то хочу сказать. Землю-то мы ковыряемъ кривой сошкой, а ѣсть хотимъ серебрянной ложкой: жизнь ваша теперь требуетъ много, а земля даетъ мало, — по темнотѣ своей мы не умѣемъ обрабатывать землю, чтобы она родила намъ больше, а иныя и просто бросаютъ пашню: дескать, — не стоить и пахать, коли плохо родится! По моему, грамота должна научить нашего брата побольше добывать изъ земли, да по меньше

ходить на заработки, а то стыдно сказать, — земли у насъ много, а мы голодаемъ.

— Совершенно вѣрно! Вотъ и учите дѣтей грамотѣ, да заставляйте ихъ больше читать такія книжки, въ которыхъ сказано, какъ лучше обрабатывать землю, чтобы получить отъ ней больше дохода. Да берегите лѣса! посоветовалъ я.

— Вотъ лѣсовъ то мы и не бережемъ, истребляемъ ихъ — кто сколько можетъ. А станешь говорить, — тебя же и одурачатъ: „намъ, дескать, не съ голодудохнуть! Ты — что за указъ?“ — отетунисься. Съ другой стороны, — мужика строго вѣнать въ этомъ нельзя! Темень онъ, да и на расходы достать надо, — особенно, когда своего хлѣба недостатокъ, — нужда и гонитъ его продавать свое послѣднее добро.

— Если, вы лѣса истребите, у васъ хлѣбъ совсѣмъ не будетъ расти, — будетъ вызябать, потому что у насъ климатъ суровый, а лѣсъ — это хранилище влаги и тепла.

— Да хлѣбъ у насъ и вызябаетъ частенько.

— А старики говорятъ, что прежде этого не было.

— Ну вотъ то — то! Если бы вы не истребляли лѣсовъ, хлѣбъ росъ бы лучше и меньше вызябалъ бы! А теперь ты скажи мнѣ, — продолжалъ я, — чѣмъ вы живете, когда у васъ недородъ и недостатокъ хлѣба?

— А лѣтомъ выручаютъ насъ тяга судовъ на канавѣ, а зимой вывозки, да опять же собственный лѣсокъ!

— На тягу и вывозки надежда плохая, — потому что тягу не сегодня завтра уничтожатъ, а собственный лѣсъ можно такъ истребить, что и самимъ избы топить нечѣмъ. Лучше бы намъ заняться какимъ нибудь ремесломъ: вѣдь у васъ лѣсовъ много, — можно было бы заняться выдѣлкой деревянной посуды, плетеніемъ корзинъ, столярнымъ мастерствомъ. Это не требуетъ большихъ затратъ, а прибыль была бы!

— Богъ намъ не открылъ ремесла! Есть у насъ, впрочемъ, одинъ овчинникъ, но онъ такъ выдѣлываетъ овчины, что онѣ годятся, пожалуй, только намъ однимъ!

Изъ дальнѣйшей бесѣды нашей выяснилось, что деревня эта ничѣмъ не отличается отъ другихъ сосѣднихъ деревень Плесконивскаго общества: тѣ же трудолюбивые хлѣбопашцы, тѣ же матеріальныя недостатки, заработки, то же невѣжество и неумѣнье пользоваться скудными деревьями сѣверной природы. На отхожіе промыслы никто изъ мѣстныхъ жителей не ухотитъ.

II.

Населеніе всѣхъ деревень Плесконивскаго общества — исключительно крестьянское. Основное занятіе жителей — земледѣліе. Почва здѣсь тоже тяжелая для обработки и требуетъ сильнаго удобренія: суглинистая, мѣстами песчаная и каменистая. Не смотря, однако, на это, въ нѣкоторыхъ деревняхъ хлѣбъ родится довольно порядочно, хотя у большинства населенія ощущается изъ года въ годъ недостатокъ хлѣба. Обработка земли производится прежнимъ дѣдовскимъ способомъ по трехпольной системѣ сохой. Недостатокъ полевыхъ урожаевъ пополняется урожаемъ подеѣкъ, для которыхъ губятся лѣса безъ всякаго разбора. Но что же дѣлать бѣдному мужику, когда ни почвенныя, ни климатическія условія ему не благоприятствуютъ, а его безграмотность и невѣжество скрываютъ отъ него болѣе лучшую культуру полей!

Въ подеѣкахъ сѣютъ на первое лѣто рожь или жито, а на второй — овесъ. Если почва въ подеѣкѣ послѣ второго года не слишкомъ истощится, то засѣваютъ ее и на третье лѣто, а затѣмъ уже бросаютъ, и на ней вырастаетъ новый лѣсъ, которому во многихъ случаяхъ всетаки не даютъ дорости до нормальнаго возраста и снова вырубаютъ для тѣхъ же цѣлей. Но такое истребленіе лѣса приноситъ еще не такъ большой вредъ, какъ хищническая продажа лѣса самими крестьянами. Въ послѣдніе годы это хищничество достигаетъ все большихъ и большихъ размѣровъ: лѣса истребляются поголовно — и сосна, и ель, и береза, и сѣна. Невѣже-

ственные мужички, не понимая всего ужаса послѣдствій обезлѣсенія своихъ, надѣловъ въ погонѣ за лишнимъ рублемъ везутъ свое послѣднее добро и въ городъ, и на каналь, подготавливая такимъ образомъ своимъ будущимъ поколѣніямъ безысходную нищету и голодовки. Многими, конечно, половина заработка отъ продажи лѣса пропивается, а другая забирается товаромъ.

III.

Сѣютъ на зѣбшихъ поляхъ рожь, овесъ, ячмень, ленъ. Но вслѣдствіе истребленія лѣсовъ всходы стали все чаще и чаще страдать отъ раннихъ утренниковъ. Поля обрабатываютъ сохой и „косулей“ (сохи съ широкими сошниками и отрѣзомъ); первую пахутъ озимыя поля, а вторую — яровыя. Удобреніемъ для почвы служитъ навозъ, для образованія котораго въ подстилку скоту употребляютъ хвойныя рубленныя вѣтки, дающія малосочное удобреніе, плохо перегорающее въ землѣ и приносящее мало пользы. Кромѣ соломы и хвои другой подстилки здѣсь не знаютъ, хотя кругомъ много болотъ, покрытыхъ въ изобиліи махомъ, который въ сухомъ видѣ могъ бы служить прекрасной подстилкой; но этого зѣбшій мужичекъ не знаетъ, а научить его некому.

Хлѣбъ осенью здѣсь укладываютъ болѣею частию на поляхъ въ стоги и обмолачиваютъ его въ продолженіе всей зимы частями, когда сколько понадобится. Овиновъ у крестьянъ мало, хлѣбъ сушится на поляхъ — рожь прямо въ бабкахъ, а овесъ на высокихъ вѣсалахъ устраиваемыхъ, гдѣ нибудь поближе къ деревнѣ. Слѣдствіемъ такого хозяйствованія является часто несвоевременная уборка и морча хлѣба, когда наступаютъ продолжительная дурная погода. Изъ огородныхъ овощей въ нѣкоторыхъ деревняхъ здѣсь сѣютъ еще рѣпу, но не въ огородахъ, а въ песчаныхъ подеѣкахъ, такъ называемыхъ „рѣшищахъ.“ Ни солотья, ни поливки, ни другого какого ухода тутъ не прилагается, — овощъ предоставляется природѣ и не смотря однако на это, рѣпа вырастаетъ довольно

крупная и сечная, только развѣ иногда попортить ее немного косоланый мишукъ, — частый гость здѣшнихъ полей и нивъ; но привычные къ его посѣщеніямъ мѣстные жители умѣютъ и отучить его, когда ужъ онъ слишкомъ зачестить на даровщину.

Рѣпа идетъ въ пищу въ разныхъ видахъ: сырая, пареная, сухая; изъ сухой—приготавливаютъ вкусный квасъ, называемый „рѣпаницей“, а изъ пареной—„сусло“, которое подается какъ приправа къ овсяному киселю. Не малымъ подспорьемъ къ столу здѣшнихъ крестьянъ служатъ ягоды, грибы и рыжики, въ изобиліи растущіе въ здѣшнихъ лѣсахъ. Но изъ рыжиковъ берутся тутъ только волнухи и грузди, которые и солятся на зиму.

Правы здѣшнихъ жителей, еще не уснѣвшихъ вкусить фабричной и канавной цивилизаціи,—воплнѣ патриархальные; ихъ отношенія другъ къ другу чрезвычайно просты и наивны. Всѣ они честны, добродушны и доверчивы. Грамота здѣсь стала распространяться только съ открытіемъ школы въ деревнѣ Кивручь; грамотные—по преимуществу молодое поколѣніе. Въ силу вѣкового невѣжества жизнь этихъ простаковъ обставлена массою суевѣрій, разныхъ повѣрій и примѣтъ, особенное приложеніе которыхъ бываетъ во время святокъ, какъ и во всѣхъ нашихъ великорусскихъ деревняхъ.

S.

Сообщенія изъ уѣздовъ.

О нашихъ лѣсахъ и о причинахъ ихъ гибели.

Второй разъ я хочу подѣлиться съ читателями моими мыслями по вопросу о лѣсѣ, произвольной его тратѣ и массовомъ истребленіи.

Кому изъ жителей деревни не извѣстно, какую роль играетъ лѣсъ въ области сельскаго хозяйства и какое имѣетъ значеніе въ жизни

Олонецкаго края, но на это обстоятельство, къ великому прискорбію, смотрятъ закрывши глаза всѣ тѣ, кому такъ дорогъ, близокъ и необходимъ лѣсъ, кому въ недалекомъ будущемъ придется стать лицомъ къ лицу съ горькой дѣйствительностью—полнѣйшимъ исчезновеніемъ лѣса, когда уже поздно будетъ всякое содѣйствіе, всякая помощь возстановленію вновь этого дарового, необходимаго для жизни, природнаго богатства. Я не говорю о ветхозавѣтныхъ мужичкахъ, привыкшихъ вершить всѣ дѣла по старому обычаю, но при мѣру дѣдовъ, не заглядывающихъ въ будущее, а руководствующихся прошлымъ; я также не говорю и о понимающихъ, но хитрыхъ и проницательныхъ, не задумывающихся въ ущербъ общему благосостоянію урвать, гдѣ придется, лакомый кусочекъ. Какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ нечего ждать нашей бѣдной деревнѣ ни косвенной, ни прямой помощи и поддержки, такъ какъ они далеки отъ производительной и полезной работы для деревни, но я знаю, что есть среди обитателей деревни много и честныхъ, стремящихся къ улучшенію общаго быта деревни, болѣющихъ душою за народное благо, вотъ кому слѣдуетъ посмотреть внимательнѣе на наши промахи и упущенія въ дѣлѣ пользованія лѣсомъ и стараться заставить съ этой точки зрѣнія посмотреть отставшихъ и недошедшихъ до пониманія разумнаго пользованія лѣсомъ нашихъ собратій.

Хотя есть волости, имѣющія громадныя лѣсные участки, но среди ихъ уже мало найдется такихъ, гдѣ топоръ не бываетъ, а такихъ волостей, гдѣ уже ощущается въ лѣсѣ недостатокъ и даже очень чувствительный, и такихъ—гдѣ за исключеніемъ далеко отстоящихъ отъ волости и тоже порядкомъ почищенныхъ лачъ строевого лѣса, служащаго единственнымъ источникомъ дающимъ бревна и дрова и идущимъ на необходимыя подѣлки хозяйственныхъ предметовъ, въ центрѣ волости, по мѣстному выраженію, прута нѣтъ, — большая часть въ нашей губерніи.

Къ числу послѣднихъ двухъ относятся Павловская и, моя родная, Надпорожская волости Каргопольскаго уѣзда, въ которыхъ безумное